

7.2000.

50

Райкин
Константин

Валерий Фокин поначалу никак не соглашался на это интервью. И не потому, что ему нечего было сказать о юбиларе. "Ты, — говорил он мне, — спроси того, кто Райкина знает мало. Для них он "в новинку" и у них восприятие посвежее. А для меня Костя — это часть моей жизни, что ж я смогу о нем рассказать?" Но, видимо, при воспоминаниях о минувших днях и, соответственно, битвах, где они рубились вместе с Константином Аркадьевичем, взор известного режиссера просветлел и он разговорился.

— Валерий Владимирович, история вашего творческого взаимодействия с Константином Райкиным уходит "вглубь веков" и насчитывает больше трех десятилетий. Когда впервые пересеклись ваши пути?

— Мы вместе учились в Щукинском училище, он на актерском курсе, я на режиссерском. Так сложилось, что мы очень быстро познакомились, заинтересовались друг другом, появились общие интересы, и это нас сблизило. А потом, как бывает в нашей профессии, стали вместе работать. Мы сделали в "школе" много интересных работ, одна из них — "Нос" Гоголя — стала дипломным спектаклем. Кроме того, вспоминается "Пышка" Мопассана. Она была хорошо принята не только внутри училища, но и московскими театрами. Они специально приезжали к нам, посмотреть этот спектакль. Вот так и началась наша творческая и человеческая дружба.

— А как вы оказались в "Современнике"?

— После окончания училища нас приглашали несколько театров. Нас — меня как режиссера, и двух актеров: Райкина и ныне покойного Юрия Богатырева. Мы, в отличие от нынешних театральных выпускников, имели счастливую возможность выбирать. Нас приглашал (царство ему небесное) Олег Ефремов, только что пришедший во МХАТ и начинавший новое дело. Звал к себе нашу небольшую команду Юрий Петрович Любимов: театр на Таганке в семидесятом-семьдесят первом году был еще сильным и процветающим. И, наконец, "Современник". Эти три предложения мы активно обсуждали, и в дебатах участвовал Аркадий Исаакович Райкин. Как известно, мы остановились на последнем варианте. Во-первых, потому что "Современник" был очень молод по актерскому составу. Кроме того, нам казалось, что после ухода Ефремова и группы его актеров во МХАТ, приход молодежи сможет чем-то помочь театру. А с другой стороны, в этой ситуации появлялась возможность в большей степени проявить себя. Группа молодежи была солидной — вместе с нами в театр пришли еще двое актеров.

— В "Современнике" вы с Райкиным выпустили несколько блестящих спектаклей. Какой из них зал в вашу душу более всего?

— Мне трудно выбрать — действительно мы с ним сделали много работ. Дебютом стал спектакль "Валентин и Валентина" Михаила Ромина. Это был счастливый и радостный этап нашей жизни. Был праздник! Серьезным спектаклем стали "Записки из подполья". Я сейчас прихожу к выводу, что это был лучший мой спектакль. У Кости, думаю, тоже. Да и у других участников — Елены Кореневой и Авангарда Леонтьева. Я очень выделяю эту работу. Она была этапная, и много нам дала. Вообще, этот период нашей жизни был очень интересным. Мы "жили" параллельно на двух сценах: на большой и на пятом этаже в репетиционном зале. Утром репетировали на большой сцене, а потом убегали

На вопрос об отношении к формуле "на детях гениев природа отдыхает" Константин Райкин ответил, что не верит в этот закон: "гораздо чаще она отдыхает на детях бездарных".

Гостей, пришедших в "Сатирикон" на юбилей артиста (в переполненном зрительном зале находились Президент страны, мэр Москвы) встретил странный очкарик с брюшком, в мешковатых штанах на подтяжках.

Попивая пиво прямо из бутылки, он стал подробно рассказывать о себе и своем громоздком и неуклюжем инструменте — контрабасе.

Константин Райкин, без сомнения, рисковал, отважившись показать свою новую работу публике, настроенной на праздничный, именинный лад.

Монопьеса немецкого драматурга Патрика Зюскинда "Контрабас"

(заметим с гордостью, что ее перевод впервые был напечатан в "ЭС" в 1991 году), гротескная и щемящая исповедь одинокого, влюбленного музыканта —

материал чрезвычайной сложности и весьма непривычный для артиста.

Здесь пригодились наследственные гены — в ткань спектакля входят

эксцентрические, почти эстрадные гэги, непревзойденным мастером

которых был Райкин-старший. Но не эти талантливые антре определяют

суть "Контрабаса". Спектакль, сочиненный юбиларом вместе с молодым

режиссером Еленой Небезиной, по-настоящему человечен и интеллигентен.

Кому-то он напомнит "Репетицию оркестра" Феллини, кто-то услышит в

нем чаплиновские интонации.

"ЭС" поздравляет Константина Аркадьевича с 50-летним юбилеем и

публикует интервью с режиссером Валерием Фокиным, сыгравшем важную

роль в судьбе Артиста.

Валерий Фокин: «Константин Райкин — это часть моей жизни»

к себе "наверх". Мы делили себя между официальной театральной жизнью и маленьким миром своей компании. Я думаю, этот период был не только интересным, но и важным. И он всерьез повлиял на формирование Кости. И на меня, конечно, хотя мы оба сейчас занимаемся другим.

— Некоторые ваши лабораторные работы в "Современнике" не стали спектаклями в общепринятом смысле. Почему они не вышли за рамки эксперимента?

— Не вышли они потому, что лабораторная работа не предназначалась для зрителя. Я так и рассчитывал. Для меня было ясно, что задачи, которые ставятся перед лабораторной работой, — чисто профессиональные. Например, лабораторная работа по "Гамлету" 1978 года прошла два или три раза. И "участников встречи" — так мы называли зрителей, следуя терминологии Гротовского, — было человек двадцать-тридцать. Но нас это не волновало. Наша задача состояла в проверке другого способа сценического существования. Мне кажется нормальным, что работы не вышли на уровень спектаклей.

— Понимаю — это не простой вопрос и все же: как вы думаете, в чем состоит суть актерского дарования Константина Райкина?

— У него есть уникальное качество: он умеет соединить в своих ролях внутренний психологизм с самой категоричной условной формой. Хотя мне кажется, что разделение театра на психологический и условный — от лукавого. Это все придумали критики. Настоящий театр должен быть универсальным, соединяя в себе все факторы. Но далеко не каждый артист этим владеет. Райкину дано от Бога и от папы с мамой. Его авторская индивидуальность позволяет себя уверенно чувствовать и в сугубо "психологическом" спектакле, и в "остро условном", а самое главное — соединять эти направления воедино, когда требуется. Это, на мой взгляд, главное его достоинство.

— Вы упомянули папу с мамой, и я не могу не спросить о том, какие актерские качества, по-вашему, перенял наш юбиляр у своего великого отца?

— Аркадий Исаакович был великий артист, но у него был особый театр и особый способ существова-

ния на сцене. Может быть, Костя у него унаследовал сценическую легкость, способность к мгновенным трансформациям, какую-то эксцентрию. Но мне кажется, что он гораздо глубже своего папы. Мне трудно, например, представить, что Аркадий Исаакович мог бы глубоко и тонко "прожить" Достоевского. Сила старшего Райкина была в постоянной и блестящей смене масок. Смена была очень точной, мгновенной и конкретной, и тогда зритель видел цельный калейдоскоп человеческих характеров. А Костя владеет и этим (хотя, безусловно, не в такой степени), и еще многим другим. Они для меня очень разные.

— Как вы считаете, изменилось ли актерское существо Константина Аркадьевича после того, как он стал художественным руководителем театра?

— Я могу судить, глядя со стороны. Мне думается, изменилось. Много из того, что он делает, я не принимаю. В том смысле, что мне неинтересно, не увлекает. А его увлекает. Но я понимаю — у него, как у руководителя, свои задачи, он должен думать о репертуаре, о том,

чтобы зритель заполнил его тысячный зал. Мне же это неинтересно. Я считаю, что театр начинает гибнуть, когда думает о тиражировании самого себя. И о том, как ему устроить аншлаги. Даже если это талантливо сделанный аншлаг. То, что Костя изменился, — нормально. Он строит популярный театр. Он стал другим, чем был пятнадцать лет назад в "Современнике". У каждого свой путь в жизни. Мы выросли и уже немолоды.

— И он, и вы — люди с серьезным, твердым характером. Не находили ли "коса на камень", когда вы работали над "Превращением" Кафки в "Сатириконе"?

— Это крупная наша совместная работа. Я ею очень доволен и прежде всего именно его актерской работой. Спектаклю уже пять лет, он объездил пол-Европы и даже мира. В мае, например, прошли успешные гастролы в Японии. И я с радостью вижу, как спектакль растет. Все более убеждаюсь, насколько это крупная, значительная и мастерская в самом глубоком смысле этого слова работа Райкина. А что касается "косы на камень", то у меня с ним такого быть не может. Мы с ним вместе уже тридцать с лишним лет и знаем друг друга досконально. И при всех разговорах, охлаждениях и сближениях у нас сохраняется стремление работать вместе. Что, к сожалению, в последнее время случается нечасто. Но как только начинается работа, мы начинаем говорить на одном языке буквально с первых минут. Как будто не было ни моей отдельной жизни, ни его. Шлейф длительных отношений позволяет нам очень быстро найти общий творческий язык.

— Близки ли вам его режиссерские работы?

— Я отношусь к ним уважительно, но спокойно. Вообще, я делю людей на тех, кто занимается режиссурой, и режиссеров. Последних очень мало. Можно всю жизнь ставить спектакли, но режиссером не быть. Несмотря на регалии и аншлаги в вашем театре. Режиссура —

Беседовал
Павел ПОДКЛАДОВ

журнал и сцена